

УДК: 327(470+510+73)

DOI: 10.31857/S268667300016028-0

КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества

А.С. Давыдов

Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3543-3757>

e-mail: davydov@ifes-ras.ru

Резюме: Взаимоотношения США, КНР и России составляют важнейший компонент основы формирующегося после распада биполярной системы современного миропорядка. От них зависит характер будущего мироустройства, принципы и перспективы его дальнейшего существования. В настоящее время отношения США с двумя другими «сторонами треугольника» находятся в глубоком кризисе, обусловленном острым соперничеством с ними. И от того, как он будет преодолен, решающим образом зависит дальнейшая судьба человечества. Очевидно одно – методы преодоления существующих противоречий и разногласий могут быть только мирными, основанными на договорённости и компромиссах между конфликтующими сторонами.

Ключевые слова: США, КНР, Россия, геополитическое соперничество, мироустройство, противостояние, конфликты, взаимодействие, сотрудничество, поиски выхода из тупика

Для цитирования: Давыдов А.С. КНР – США – Россия: факторы геополитического соперничества. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2021; 51 (8): 81–91. DOI: 10.31857/S268667300016028-0

PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry

Andrey S. Davydov

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3543-3757>

e-mail: davydov@ifes-ras.ru

Abstract: The relationship between the United States, China and Russia constitutes the most important basic component for the modern world order that is emerging after the collapse of the bipolar system. The nature of the future world order, the principles and prospects of its future existence depend on them. At the moment, US relations with the other two “sides of the triangle” are in deep crisis due to intense rivalry with them. And the future fate of mankind decisively depends on how it is overcome. One thing is clear – the methods of overcoming the existing contradictions and disagreements can only be peaceful, based on agreements and compromises between the conflicting parties.

Keywords: USA, China, Russia, geopolitical rivalry, world order, confrontation, conflicts, interaction, cooperation, search for a way out of the impasse

For citation: Davydov A.S. PRC - USA - Russia: Factors of Geopolitical Rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2021; 51 (8): 81-91.

DOI: 10.31857/S268667300016028-0

Утверждение, что одну из центральных осей в современных международных отношениях составляют взаимоотношения США и КНР, безусловно, справедливо,

но они – всего лишь часть ещё не оформившегося окончательно современного миропорядка, возникшего после распада биполярной системы. В его незавершённости – нестабильность нынешнего мироустройства, которая заставляет мир пребывать в состоянии турбулентности, обусловленной открытым противоборством США с двумя другими ведущими мировыми державами – КНР и Россией.

И США, и Россия, и Китай претендуют на такую роль по праву. Каждая из стран отличается объективными уникальными чертами, выделяющими её среди прочих стран мира: США – наимощнейшим современным экономическим и научно-техническим потенциалом; Китай – невиданными демографическими ресурсами; Россия – громадной территорией и обширными запасами ископаемых ресурсов.

Вместе с тем, в своём стремлении играть ведущую мировую роль каждая из указанных стран склонна опираться на присущие исключительно ей принципы, подходы и идейные ценности.

США абсолютизируют рыночную экономику и демократию, понимая их суть по-своему и трактуя, зачастую с использованием силовых методов, исключительно в собственных интересах.

Китай, ещё недавно считавшийся изолированной от внешнего мира страной, а ныне заинтересованный в расширении проникновения в отдалённые регионы, ратует за создание «планетарного сообщества единой судьбы», опираясь на укрепление, в первую очередь, торгово-экономических связей.

Россия, отказавшись в принципе от коммунистической доктрины и идейного наставничества, всё ещё сохраняет отчасти патерналистские методы в выстраивании отношений с некоторыми из партнёров, хотя старается подходить к этому дифференцированно.

Каждая из трёх держав преследует собственные, отличные от двух других государств, амбициозные и нестыкующиеся цели, на выбор которых не могла не повлиять ментальность каждой нации, определяемая её культурным кодом и формирующая национальный психотип.

Так, молодой американской нации, сложившейся на мультирасовой основе, свойствен дух первооткрывателей и первопроходцев, универсальных лидеров, прикрывающих общегуманными лозунгами селективность и избирательную применимость отстаиваемых ею ценностей и институтов.

Ханьский китаецентризм зиждется на представлении о Китае как о древнейшем и первом возникшем на Земле цивилизационном оплоте, законодателе и примере для окружавших народов, выступавших для китайцев в обличье варваров. При этом, согласно китайскому миропониманию, слова и дела не обязательно должны совпадать. Ведь провозглашая истину, нет нужды действовать в соответствии с ней.

Опирающийся на национальные и хозяйственные традиции России дух коллективизма и общинности поощряет стремление к некой агломерации и ассимиляции, зачастую нарушающих соблюдение и учёт интересов и требований национальной специфики.

Именно это явилось, среди прочих, одной из причин краха базировавшейся на идеологических принципах биполярной системы, руководимая СССР часть которой вместо должного учёта национальных обычаев и традиций стран, вхо-

дивших в неё, отдавала предпочтение так называемым коллективистским методам «пролетарского интернационализма». Этот подмеченный Западом «крен» был умело использован при развале им социалистического содружества.

В свою очередь, нынешние проблемы в американо-китайских и американо-российских отношениях, помимо актуальных субъективных причин, коренятся в неадекватной оценке Соединёнными Штатами перспектив и последствий: (а) политики сближения с КНР с начала 1970-х годов; (б) распада биполярной системы мироустройства в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Поэтому в последние годы США занимаются – часто безуспешно – выправлением этих упущений через корректировку политики в отношении Китая и России. Всё вышеизложенное разъясняет мотивацию целей, преследуемых тремя этими странами.

Америка, выступавшая и в биполярном мире в роли одного из постоянных глобальных лидеров, желает это лидерство не только сохранить, но и монополизировать на постоянной основе.

Устремления Пекина органично подкрепляются принципом «китаецентризма», согласно которому Китаю предначертано «возвышаться в центре мироздания, постоянно сталкивая между собою окружающих его варваров» для облегчения выживания и дальнейшего собственного возвышения.

Россия, правопреемница СССР, утратившая, однако, его сверхдержавный статус, намеревается его вернуть.

Однако великодержавные амбиции должны опираться не только на былые заслуги, но и предполагать соответствие определённым критериям, то есть необходимо обладать превосходством или, как минимум, паритетом с остальными претендентами в большинстве из следующих четырёх сфер: экономике, современной науке и технологиях, военной мощи, геостратегическом положении и влиянии.

На данный момент им стопроцентно отвечают только США. КНР сопоставима с ними по экономическим и отчасти технологическим параметрам. Россия конкурирует с Вашингтоном лишь в военной области. Превзойти Америку по комплексным показателям ни Москве, ни Пекину пока не удалось.

Главным объединителем устремлений и усилий Китая и России на путях к «мировому Олимпу» остаётся их согласие относительно многополярности как единственной приемлемой структуры будущей глобальной архитектоники. Однако видение ведущих к ней путей совпадает у них не во всём.

* * *

Китай имеет высокий глобальный экономический рейтинг, обеспеченный за счёт исполнения поначалу роли «мировой фабрики» с дешёвой рабочей силой в обмен на получение современных западных технологий и широкого доступа к торгово-экономическим льготам ВТО. Заняв передовые позиции в мировой экономике, он демонстрирует желание из региональной державы утвердиться в статусе глобальной с последующим превращением в сверхдержаву. На это прямо и косвенно указывают планы, сформулированные в его государственных и партийных документах.

Торгово-экономическая политика последних десятилетий дала КНР реальную возможность войти в число мировых лидеров в сферах технологий и производства. Научные достижения Поднебесной тоже велики. Известно, что китай-

ские суперкомпьютеры – одни из самых быстрых в мире, крупнейший радиотелескоп находится в Китае. Пекин намерен доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G. КНР добилась выдающихся успехов в освоении космического пространства.

Помимо торгово-экономических и научно-технических успехов, Пекин предпринимает целенаправленные шаги в политической, военной, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Как было указано в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, одной из намеченных целей является достижение к середине нынешнего столетия мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния.

Ставшая второй, а по отдельным показателям первой экономикой мира, КНР резко активизировала участие в глобальном управлении, расшив его сферы с экономической и гуманитарной на область безопасности, что делает для неё реальным выполнение задуманного.

Однако всё не так просто. Амбициозная мечта о «великом возрождении китайской нации» не только «напрягла» Запад, и в первую очередь США, но на фоне недавней экономической стагнации в КНР, спровоцированной пандемией коронавируса, активизировала в ней внутреннюю оппозицию. Результатом этого стали, в том числе, и события в Гонконге, поставившие под сомнение практическую реализуемость концепции «одно государство – два строя», а также волнения в Синьцзяне. А сам факт расползания по миру слухов и страхов по поводу роли КНР в распространении этой пандемии резко усилил негативное отношение к Китаю со стороны немалой части мирового сообщества.

При этом, несмотря на заверения со стороны Китая об отсутствии гегемонистских амбиций, его попытки добиваться позиции мировой сверхдержавы, равной США, то есть воссоздания, по существу, некой «новой биполярности», становятся всё заметнее, что, безусловно, ещё больше повышает конфронтационные риски и уже реально грозит свергнуть мир в состояние стратегической неопределённости.

Америка увидела прямую угрозу своим интересам в том, что ещё недавно бедная и полузависимая страна к началу XXI века постепенно превратилась в гиганта с потенциалом развития, могущим поставить под вопрос способность Вашингтона удержать мировое первенство, в его эффективного конкурента и опасного соперника. Отягчённое негативными явлениями в истории взаимоотношений двух стран, социальными различиями и взаимной идеологической нетерпимостью, это обстоятельство выступает в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала между двумя державами.

В то время как китайские специалисты-международники до недавнего времени характеризовали отношения с США как «сочетание сотрудничества и конкуренции», внутри американского стратегического сообщества действует крыло, настаивающее на недопущении превращения КНР в мировую державу, не исключая для этого возможности прибегнуть к превентивной войне.

В «Стратегии национальной безопасности» (2017 г.) Вашингтон впервые причислил Пекин к своим «главным стратегическим соперникам», что сопровождалось отходом от важных постулатов в политике администрации Б. Обамы

о том, что: (1) поддержание прежнего баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе якобы может сдерживать стремление Китая изменить установленный там Соединёнными Штатами региональный порядок; (2) попытки интеграции КНР в этот порядок дадут надежду на либерализацию режима в ней изнутри.

В *политико-правовой* сфере Китаю инкриминировались: милитаризация Южно-Китайского моря, усиление давления на Тайвань, нарушения прав человека и свободы вероисповедания, кибершпионаж, кража американских технологий путём хакерских атак, расширение геополитических притязаний; в *финансово-экономической* – манипулирование курсом юаня, установление и использование дискриминационных торговых барьеров, товарный демпинг, введение торговых ограничений, настойчивое требование доступа к новым технологиям в обмен на присутствие компаний США на рынках Китая.

Стало очевидным, что *тесные торгово-экономические связи двух стран не являются более гарантией недопущения между ними острых конфликтов*, вплоть до тотальной конфронтации, а торговые споры становятся рычагами не только экономического, но и политического давления. Диалоговые механизмы между США и КНР нуждаются в перезагрузке. Налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного характера. И главное – сохраняется разница в подходах к организации будущего миропорядка.

Пекин постепенно отошёл от сдержанной и дипломатичной риторики, которую использовал ещё недавно в отношении США, и настроился на то, чтобы «быть жёстким» к Америке и «достигнуть мира путём борьбы».

Впоследствии чётко проявилось, что так называемая «торговая война» с КНР, начатая администрацией Д. Трампа, явилась не просто и не только экономическим противоборством, а по существу началом борьбы двух мировых гигантов – старого и молодого – за право потенциального руководства формирующимся грядущим миропорядком.

В ходе слушаний 20 февраля 2020 г. в специальной сенатской комиссии по вопросам безопасности и торговли с Китаем была обрисована картина модернизации вооружённых сил КНР, осуществляемой «драматическими масштабами и темпами».

Военные расходы Китая за 20 лет (1999–2019 гг.) возросли более чем в 6 раз – с 28 млрд до 177 млрд долл. При этом государство финансирует многочисленные инфраструктурные и другие связанные с армией расходы, так что в реальности военный бюджет КНР на сегодня в несколько раз больше объявленного.

Численность вооружённых сил Китая составляет более 2 млн человек, а китайские ВМС относятся к самым многочисленным в мире. Значителен арсенал баллистических и крылатых ракет, есть боевые самолёты новейших типов, активно используется в военных целях киберпространство и космос. Китай успешно осуществил самую амбициозную программу военной модернизации в современной истории. Армия рассматривается как инструмент обеспечения лидирующего места КНР в мире.

Как известно, Пекин отверг претензии к нему США в ракетно-ядерной сфере, включавшие требование присоединиться к соответствующим американско-

российским переговорам и соглашениям. Он ограничился обещанием не применять против других ядерное оружие первым и заявлением, что его ракетно-ядерные силы «поддерживаются на малом уровне».

Разведсообщество США в одном из недавних докладов откровенно призналось, что «проспало» подъём Китая и к полноценной работе по китайской линии американские разведорганы не будут готовы «ещё десятилетия», поскольку не располагают достаточно подготовленными кадрами китаистов. В итоге годовой бюджет американской разведки перераспределили таким образом, чтобы уделять больше внимания Китайской Народной Республике.

США считают, что цели военного усиления КНР – прежде всего, в установлении гегемонии в акватории Индийского и Тихого океанов. По мнению американских военных экспертов, Пекин занялся расширением военного потенциала дальнего действия, в том числе и для безопасной реализации собственного амбициозного проекта «Один пояс – один путь» с целью не только подавить суверенитет государств Индо-Тихоокеанского региона, но и усилить в нём свой экономический диктат. Они считают, что КНР нацелилась понизить возможности в действиях американских войск вдаль от своих баз и повысить уровень их сдерживания за счёт усиления своего военного присутствия в регионе.

Многие в Америке убеждены, что Пекин готовится к «бессрочной конфронтации», пока не добьётся цели – возглавить новый мировой порядок. Г. Киссинджер заявлял, что «из ситуации, в которой оказались сегодня США и Китай, бесконфликтного выхода нет», поскольку водораздел пролегает и по идеологической линии, на которую стороны до поры до времени не обращали внимания. Их соперничество всё больше стало рассматриваться не как традиционная конкуренция супердержав, а как борьба демократии с коммунизмом.

Главным инструментом в геополитической дуэли при Д. Трампе стала «стратегия размежевания» – от существенного снижения объёмов двусторонней торговли к аналогичному процессу в высокотехнологичном секторе и финансовой сфере, свёртыванию культурных и образовательных связей двух стран.

Однако, несмотря на обострение отношений с КНР, американская администрация отдавала себе отчёт в том, что в связях с Пекином наличествуют некие «красные линии», переступать которые США не рискуют. Это, прежде всего, колоссальная торгово-экономическая взаимозависимость, которую нельзя игнорировать. Кроме того, в случае развёртывания боевых действий на море неизбежно «сработает» взрывоопасный фактор Тайваня. И, наконец, третьей «красной линией» может стать фактор географической отдалённости Америки и Китая друг от друга.

В целом, стратегическое противостояние КНР и США на разных направлениях будет неизбежно усиливаться и станет «новой нормальностью» в международных отношениях. Соперничество двух держав приведёт к разрыву цепочек поставок, неуправляемому неравенству в сфере технологий.

Отсюда потребность искать новые подходы к сотрудничеству, что хорошо понимают в американских деловых кругах. Согласно докладу Американо-китайского делового совета, подготовленному в августе 2020 г., почти 70% пред-

приятий-респондентов с оптимизмом смотрят на коммерческие перспективы китайского рынка в ближайшие пять лет, в связи с чем 87% этих предприятий отказались вывести свои производственные линии из Поднебесной.

Деловые круги США в принципе хотят взаимодействовать с китайскими коллегами. Такое же желание присутствует у подавляющего числа бизнесменов в Китае. «Обе страны выиграют от сотрудничества и проиграют от конфронтации. Сотрудничество – единственный правильный выбор для них», – заявил в декабре 2020 г. посол КНР в США Цуй Тянькай на ежегодном праздничном вечере Американо-китайского делового совета.

Если рассматривать возможные перспективы китайско-американских отношений в контексте общих закономерностей хода исторического процесса, в рамках действия диалектических законов развития, то сегодняшнее глобальное поведение Китая и реакция на него со стороны США и остального западного мира *диалектически и исторически обусловлены*, а современные торгово-экономические противоречия этих двух стран являются лишь составной частью общей проблемы, состоящей в *борьбе нового со старым*.

При всех различиях национальных менталитетов у США и КНР существует нечто единое, если не роднящее, то делающее их очень похожими друг на друга. Это так называемый комплекс превосходства (*"superiority complex"*), или мания величия, внутренняя уверенность в собственном превосходстве над окружающими. У китайцев она базируется на убеждённости в том, что они – древнейшая земная цивилизация, насчитывающая более четырёх тысяч лет; у американцев – на ощущении себя одной из самых молодых и одновременно самой могучей страной мира, обладающей несметными материальными богатствами, передовыми технологиями, наилучшим и наиболее прогрессивным, по их убеждению, общественно-политическим устройством и максимально высоким жизненным уровнем. Каждая из двух стран считает себя единственным достойным претендентом на роль главного мирового лидера.

Прогресс КНР за 40 лет укрепил веру Пекина в справедливость своих притязаний. Неспособность США заставить Китай в результате перехода на «рыночные рельсы» одновременно трансформировать и его политическую систему, отказаться от коммунистической идеологии и, таким образом, встать с Америкой «по одну сторону баррикад» поколебала уверенность Вашингтона в собственном тотальном превосходстве. А усиление и укрепление Китаем своего глобального влияния не только в экономической, но и в политической сфере заставило резко противодействовать его возвышению.

В результате в мире, изначально стремившемся к многополюсности, формируется «новая биполярность», которая откроет очередной цикл борьбы, но уже не идеологических, а цивилизационных систем. Ссылки на коммунистическую идеологию КНР и на КПК необходимы сегодня американцам для того, чтобы, прикрываясь предлогом «борьбы с коммунизмом», якобы стремящимся «разрушить американскую демократию», замаскировать общий антикитайский настрой в США. Это было инициировано при президенте Д. Трампе и с большой долей вероятности сохранится при Дж. Байдене.

В то же время антикитайские выпады могут несколько изменить характер: стать менее грубыми и более завуалированными, поскольку глобальные интересы американских деловых кругов, которые охватывают и Китай, не должны пострадать от нынешней китаефобии янки. Поэтому преградой на пути её распространения, как ни парадоксально, может стать всё более ширящаяся активность и углубляющаяся вовлечённость Китая в деятельность на мировом рынке.

Госсекретарь Э. Блинкен чётко заявил, что США под предлогом «защиты международного порядка» будут по-прежнему вмешиваться в проблемы Гонконга, Синцзяна и Тайваня, затруднять доступ Китаю к иностранным инвестициям и осуществлять военно-политическое сдерживание Пекина, взаимодействуя с ним «с позиции силы». В то же время Америка якобы заинтересована в том, чтобы «Россия стала её союзницей в противостоянии с КНР». Другими словами, основным «содержанием» так называемой «новой биполярности», по замыслу США, должно стать противоборство демократий и автократий по всему миру.

В тех сферах, где это не нарушает американские интересы, взаимодействие США с КНР может даже активизироваться. Однако, скорее всего, этого не следует ожидать в таких стратегически значимых отраслях, как глобальные средства коммуникации или экспорт высоких технологий.

Со своей стороны, Китай постарается не обострять отношения с Америкой, если та не станет затрагивать его «чувствительные болевые точки»: внутриполитическую ситуацию, нацменьшинства, тайваньский и гонконгский вопросы, то есть вмешиваться в его внутренние дела, препятствуя реализации концепции «одно государство – две системы», от чего более воинственной в новом руководстве США, настроенной антикитайски его части удержаться будет совсем не просто.

В любом случае главной своей целью на китайском направлении США будут считать недопущение ещё большего усиления КНР, а Китай – неуклонную реализацию намеченных установок и планов при минимально возможных негативных действиях в отношении Америки.

* * *

В проекте бюджета США на 2021 г. были заложены 1,5 млрд долл. на «защиту Азиатского региона от враждебного китайского влияния» и 700 млн долл. – на противодействие России, в том числе соответственно 30 млн и 24 млн долл. на борьбу с «пропагандой и дезинформацией» со стороны КНР и РФ.

США и НАТО опасаются возрождения мощи России, стремясь сдерживать и её на международном уровне. И хотя в потенциале конфликт с КНР стратегами США не исключается, военная опасность с её стороны представлялась им до последнего времени гораздо меньшей, чем со стороны России, с которой у Америки, в отличие от Китая, практически нет никаких объединяющих точек соприкосновения.

Чем же раздражает нынешняя Россия США и остальной западный мир? Очевидно, прежде всего – целями, которые она преследует, и фигурой своего лидера, с именем которого Запад ассоциирует их реализацию и все другие, вытекающие из этого для него «неудобства». Главное из них – нежелание подчиняться правилам существования под западной доминантой, неуступчивость в решении целого ряда конфликтов и споров, бескомпромиссное отстаивание

российских национально-государственных интересов и принципов, в большинстве разнящихся с западными.

Как поступать в сложившейся труднейшей ситуации, постепенно возвращая отношения с США в нормальное, приемлемое состояние? Идеальным для них сегодня было бы то, при котором, не ухудшая наших нынешних отношений с Китаем, российско-американские связи, согласно мудрому правилу, стали бы чуть лучше, чем американо-китайские, которые в данный момент тоже достаточно плохие.

Хотя сегодня в пресловутом «треугольнике» Россия – слабейшая сторона, следует попытаться взять под контроль баланс сил в нём, что требует новых идей, без которых никакой российской внешней политики не будет вообще. Одна из них видится в уже неоднократно высказывавшейся мысли о целесообразности проведения трехстороннего форума по проблемам мироустройства, миропорядка и мирососедства.

Главным и определяющим при продвижении по пути к новой структуре мироустройства должен стать переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как средоточия конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле сотрудничества и постепенной замены принципа баланса сил на баланс интересов.

В идеале конфликтующие стороны должны прийти к пониманию неизбежности договоренностей о конструктивном управлении своим соперничеством, при котором сотрудничество в одних сферах может осуществляться одновременно со здоровой конкуренцией в других. На практике начать можно с АТР, исходя из того, что ни один из прогнозируемых в качестве реального вариантов будущего обустройства этого региона, где пересекаются интересы КНР, США и России, не удовлетворяет всех одинаково.

Таким образом, путь к улучшению отношений с США видится не в усилении противостояния с ними, безудержно подстёгиваемом, кстати, и американскими, и отечественными СМИ, а в поисках и согласовании действенных компромиссов, приемлемых для нас и привлекательных для соперников. Пора перестать заботиться о других и начать думать исключительно о собственных национально-государственных интересах.

А пока фактом остается то, что на фоне постоянно презентуемых руководством страны новых видов сверхсовременных и совершенных вооружений, которыми теперь якобы обладает Россия, и мощных технологических прорывов в военной сфере мы ощущаем себя более одинокими в мире, чем в прежние времена. Появился даже термин «стратегическое одиночество», к которому некоторые авторитетные российские политологи относятся скорее благосклонно, чем негативно.

Страна с достаточно развитой экономикой и пока сильным и передовым научным потенциалом, способная предложить миру разнообразный ассортимент продукции, помимо сырья и оружия, не должна находиться в вакууме изоляции, озадачиваясь поиском сомнительных союзников, привлекаемых раздачей им заведомо безвозвратных кредитов, компенсировать которые придётся за счёт так называемых «собственных ресурсов». Мы должны стать экономически ещё мощнее, и тогда к нам потянутся сильные партнёры.

К сожалению, реально эффективных договорных союзников у нынешней России фактически нет. Официальные союзнические отношения имеются только с пятью членами ОДКБ (Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном), которых мы обязаны «защищать любой ценой, вплоть до применения ядерного оружия», хотя в реальности подобную ситуацию трудно представить.

Ещё с шестью бывшими республиками СССР (Украиной, Латвией, Литвой, Грузией, Эстонией, отчасти – Молдовой) отношения враждебные или близкие к таковым, а с тремя остальными (Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией) – нейтрально-сдержанные.

Понятно, что при таких взаимоотношениях внутри бывшего СССР рассчитывать на формирование в будущей многополярной системе отдельного полюса, группирующегося вокруг России, особо не приходится.

Главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или так называемая «аннексия Крыма Россией», сколько то, что на рубеже 2008–2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменяя у власти друг друга, проглядели реальный «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершённым, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».

Ещё в начале 1990-х годов Зб. Бжезинский убедил руководство США, что «новую Россию необходимо лишить иллюзии её великодержавности», что она должна быть раздробленной и «находиться под опекой». В этих «рекомендациях» не следует умалять вины и нашего тогдашнего руководства, внимавшего Вашингтону. А главной целью американских «забот» о нас, как оказалось впоследствии, было стремление США использовать Россию как резервуар для покрытия собственного госдолга за счёт выкачивания и использования её ресурсов в интересах американского бизнеса.

Возвращение в 2012 г. на пост президента неуступчивого и жёсткого В.В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира по интересам и привело к возникновению, ещё до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем окончательную деградацию американо-российских связей. А реакция США на события на Украине стала одним из первых проявлений их сопротивления начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из Америки в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции, приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов. Запад консолидированно ополчился на Россию по единственной и главной причине – отсутствию желания наблюдать её возрождение вместо СССР в качестве великой глобальной державы.

Россия «зажата» сегодня между Евро-Атлантикой и КНР, уже готовыми к переходу на следующий технологический этап – к новому уровню цифровизации. Таким образом, выбор ею своих политических ориентиров может стать одновременно и выбором пути её будущего технологического развития. Или

наоборот – технологии будут определяющим образом влиять на её политику. В нынешней ситуации главное для неё – при попытке улучшения отношений с Соединёнными Штатами не ослаблять связей с Китаем, не превращаясь в то же время в его «младшую сестру» в отличие от 1950-х годов, когда «младшим братом» СССР именовал себя тогдашний Китай. Но как добиться этого с двумя процентами мирового ВВП против 24% у США и 16% у Китая?

Среди ответов на этот вопрос выделяются следующие рекомендации для России: (а) сузить горизонт внешнеполитических амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах в целях восстановления экономического роста; (б) не «оборачиваясь спиной к Азии, одновременно вернуться в Европу», воспользовавшись неустойчивой и меняющейся конъюнктурой в ней. Альтернативной им может стать рекомендация о безудержном наращивании Россией её военного потенциала. Но с учётом опыта бывшего СССР для неё это – путь в тупик.

Хотя Россия и сегодня по-прежнему великая страна, исходя, в первую очередь, из размеров её территории и имеющихся у неё природных и военных ресурсов, претендовать на роль сверхдержавы, опираясь исключительно на эти факторы, при значительном экономическом отставании от двух других мировых гигантов – США и КНР – она пока не в состоянии.

Главная её роль видится ныне в настройке и последующей отладке, совместно с Соединёнными Штатами, Китаем и другими ведущими державами, действующих мировых механизмов, в содействии достижению необходимого глобального баланса и равновесия.

При этом, чтобы ещё больше не усугублять сложные и напряжённые отношения с США, разумнее и рациональнее не переводить стратегическое партнёрство России с Китаем в формат союза, как хотят этого некоторые российские и китайские круги, а занять оптимально выгодную для нас позицию «умной обезьяны, наблюдающей с вершины горы за схваткой двух тигров».

Состоявшаяся 16 июня 2021 г. в Женеве встреча президентов России и США оставляет надежду на то, что путь к расчистке завалов в отношениях двух стран может стать реальностью.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32.

Andrey S. DAVYDOV, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation.

Материал поступил в редакцию / Received 7.06.2021.

Материал поступил после рецензирования / Revised 19.06.2021.

Материал принят к публикации / Accepted 25.06.2021.